

Жорж
Сименон

МЕГРЭ
И БРОДЯГА

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон
Мегрэ и бродяга

«Азбука-Аттикус»

1963

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ и бродяга / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1963 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15425-4

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ и бродяга». Комиссар Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину. Мрачный, немногословный, он обладает редким даром внушать доверие, ему известны тайные пружины человеческой драмы. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15425-4

© Сименон Ж., 1963
© Азбука-Аттикус, 1963

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жорж Сименон

Мегрэ и бродяга

Georges Simenon
MAIGRET ET LE CLOCHARD

Copyright © 1963, Georges Simenon Limited.
GEORGES SIMENON ® Simenon.Tm Limited
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved.

Перевод с французского М. Таймановой

© М. Тайманова, перевод, 2017
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

На пути между набережной Орфевр и мостом Мари Мегрэ вдруг на какое-то мгновение приостановился, но шедший рядом Лапуэнт даже не успел ничего заметить. На несколько секунд, вернее, на долю секунды комиссар почувствовал себя таким же молодым, как и его спутник.

Наверное, во всем был виноват воздух – удивительно прозрачный, какой-то пряный и благоухающий. Много раз в такое же солнечное утро, как сегодня, инспектор Мегрэ, тогда только получивший назначение в отдел охраны уличного порядка сыскной полиции, которую парижане по-прежнему называли Сюртэ, обходил парижские улицы, случалось, и до позднего вечера.

И хотя было уже двадцать пятое марта, сегодня впервые выдался по-настоящему весенний день, который казался еще более ясным после ночной грозы, сопровождаемой далекими раскатами грома. Первый раз в этом году Мегрэ оставил пальто у себя в кабинете, и теперь порывы легкого ветра трепали полы его расстегнутого пиджака.

Из-за нахлынувших воспоминаний комиссар невольно замедлил шаг. Теперь он шел размеренно, не быстро, но и не медленно, однако при этом вовсе не походил ни на праздного зеваку, который останавливается поглазеть на мелкие уличные происшествия, ни на целеустремленно идущего куда-то прохожего.

Заложив руки за спину, он заинтересованно поглядывал по сторонам, подмечая то, на что уже давно перестал обращать внимание.

Для такого короткого пути не имело смысла брать одну из черных машин, стоявших во дворе сыскной полиции, и мужчины двинулись по набережной пешком. На паперти собора Парижской Богоматери они случайно спугнули стаю голубей. Неподалеку стоял большой желтый туристический автобус из Кёльна.

Пройдя по узкому железному мостику, они оказались на острове Сен-Луи, и в одном из окон Мегрэ заметил молоденькую горничную в белой кружевной наkolке, похожую на героиню пьес, идущих на Больших бульварах. Неподалеку помощник мясника в белом фартуке отпустил мясо. Из соседнего дома вышел почтальон.

Этим же утром распустились почки, расцветив деревья своей нежной зеленью.

– Вода в Сене стоит еще высоко, – заметил Лапуэнт, до сих пор не сказавший ни слова.

Действительно. Целый месяц повсюду, почти не прекращаясь, лили дожди, и чуть ли не каждый вечер по телевизору показывали вышедшие из берегов реки, затопленные города и деревни, где по улицам струились потоки воды. В желтоватых волнах Сены плавали какие-то обломки, старые ящики, ветки деревьев.

Мегрэ и Лапуэнт шли по набережной Бурбонов к мосту Мари и теперь неторопливо переходили мост, откуда была видна сероватая баржа, стоявшая на приколе ниже по течению. Ее нос украшал красно-белый треугольник – знак «Компани Женераль»¹, и называлась она «Пуату». К неясному городскому гулу примешивался шум и скрежет подъемного крана, разгрузившего ее трюмы, заполненные песком.

Метрах в пятидесяти от «Пуату», по течению выше моста, на причале стояла другая баржа. Чистенькая и опрятная, казалось, уже с раннего утра она была надраена до блеска. За кормой лениво развевался бельгийский флаг, а возле белой рубки в холщовой колыбельке, напоминавшей гамак, спал ребенок. Огромного роста светловолосый мужчина смотрел в сторону набережной, словно поджидая кого-то.

¹ Компания водных перевозок.

На барже золотыми буквами было написано: «Зваарте Зваан»². Ни Мегрэ, ни Лапуэнт не понимали, что означает это фламандское название.

Было без двух или трех минут десять. Полицейские вышли к набережной Селестен и собирались спуститься к причалу, когда рядом остановилась машина. Из нее вышли трое. Хлопнула дверца.

– Смотри-ка, мы словно сговорились...

Эти люди тоже прибыли из Дворца правосудия, но из другой части здания, где располагались высшие чины судебного ведомства. Это были помощник прокурора Паррен, следственный судья Данцигер и пожилой секретарь суда, фамилию которого Мегрэ никак не мог запомнить, хотя и встречался с ним сотни раз.

Прохожие, торопившиеся по своим делам, и дети, игравшие на тротуаре, даже не подозревали, что присутствуют при выезде прокуратуры на место преступления. В такое светлое утро все выглядело довольно будничным. Помощник прокурора вынул из кармана золотой портсигар и машинально протянул его Мегрэ, хотя у того во рту была трубка.

– Ах, извините, совсем забыл...

Это был высокий, худощавый элегантный блондин, и комиссар в который раз подумал, что так выглядят многие сотрудники прокуратуры. Зато судья Данцигер, приземистый толстячок, одет был совсем без изыска.

– Ну что, вперед, господа?

Они двинулись по неровно вымощенному спуску и остановились у самой воды неподалеку от баржи.

– Вот эта?

Мегрэ был осведомлен не лучше своих спутников. Утром он прочел в суточном отчете краткое изложение всех ночных происшествий, а полчаса назад раздался телефонный звонок: его просили присутствовать при выезде прокуратуры.

Он не возражал. Приятно было снова оказаться в привычной обстановке, в той среде, где ему неоднократно случалось бывать. Все пятеро направились к самоходной барже, с которой на берег была переброшена доска.

Рослый блондин сделал несколько шагов им навстречу.

– Давайте руку, – сказал он помощнику прокурора, который шел первым. – Так оно будет безопаснее. Верно?

Он говорил с ярко выраженным фламандским акцентом, а резкими чертами лица, голубыми глазами, крупными руками и манерой двигаться походил на бельгийских гонщиков-велосипедистов, когда те после соревнований давали интервью журналистам.

Здесь, у самой реки, грохот подъемного крана, выгружавшего песок, казался еще сильнее.

– Вас зовут Жозеф ван Гут? – спросил Мегрэ, мельком взглянув на листок бумаги.

– Да, месье. Жеф ван Гут.

– Вы владелец этого судна?

– Ну конечно я, месье. А кто же еще?

Из каюты пахло чем-то вкусным. Внизу, у самого трапа, высланного пестрым линолеумом, ходила взад-вперед молоденькая женщина.

Мегрэ кивнул на ребенка в колыбельке:

– Ваш сын?

– Нет, месье, не сын, а дочка. Назвали Иоландой. Мою сестру тоже зовут Иоланда, и она стала крестной...

Но тут счел нужным вмешаться помощник прокурора, предварительно знаком велев секретарю записывать.

² «Черный лебедь» (фламанд.).

– Расскажите нам, что произошло.

– Ну, я его выловил, а вон тот, с соседней баржи, мне помог...

Жеф показал пальцем на «Пуату», где на корме, опершись на штурвал, стоял мужчина и смотрел в их сторону, словно ожидая своей очереди.

Несколько раз прозвучала сирена, и мимо них вверх по течению медленно прошел буксир, таща за собой четыре баржи. Каждый раз, когда очередная баржа подходила к «Зварте Зваан», Жеф ван Гут поднимал правую руку в знак приветствия.

– Вы знали утопленника?

– В жизни не видал.

– Давно вы стоите на причале у этой набережной?

– Со вчерашнего вечера. Я иду из Жемона в Руан с грузом шифера... Хотел засветло пройти Париж и заночевать у шлюза в Сюрене... Но вдруг заметил, что двигатель барахлит. Ведь мы, речники, не очень-то любим ночевать в самом Париже. Понимаете?..

Вдали, прямо под мостом, Мегрэ заметил двух или трех бродяг и среди них очень толстую женщину. Ему показалось, что он уже где-то видел ее раньше.

– Как это произошло? Он бросился в воду?

– Вот уж не думаю, месье! Если б он сам бросился в воду, то что бы тогда делали здесь те двое?

– В котором часу это было? Где вы находились в это время? Расскажите нам подробно обо всем, что случилось вечером. Вы стали на якорь у набережной незадолго до наступления темноты?

– Верно.

– Вы обратили внимание на бродягу под мостом?

– Да разве на них обращаешь внимание? Они почти безвылазно там торчат.

– Что вы делали потом?

– Поужинали – Хуберт, Аннеке и я.

– Кто такой Хуберт?

– Мой брат. Мы вместе работаем. Аннеке – моя жена, ее зовут Анна, а по-нашему – Аннеке.

– А потом?

– Мой брат приоделся и отправился на танцы. Дело молодое, верно?

– Сколько ему лет?

– Двадцать два.

– Сейчас он здесь?

– Пошел за продуктами, скоро вернется.

– Чем вы занимались после ужина?

– Стал чинить двигатель и сразу же заметил утечку масла. Ведь я собирался отчалить сегодня утром, вот и пришлось взяться за работу.

Фламандец то и дело бросал на них, каждого по очереди, недоверчивый взгляд, как человек, не привыкший иметь дело с правосудием.

– В котором часу вы закончили?

– Вчера я не успел и доделал утром.

– Где вы находились, когда услышали крики?

Жеф почесал затылок, не отрывая взгляда от широкой, надраенной до блеска палубы.

– Сперва я поднялся сюда, чтобы выкурить папиросу и посмотреть, спит ли Аннеке.

– В котором часу?

– Около десяти, точно не помню.

– Она спала?

– Да, месье. И малышка тоже. Бывает, она плачет по ночам: у нее режутся зубки...

- Потом вы снова спустились чинить мотор?
 - Точно.
 - В каюте было темно?
 - Да, месье, ведь жена спала.
 - На палубе тоже?
 - Естественно.
 - А потом?
 - Прошло порядочно времени, потом я услышал звук мотора – будто неподалеку от баржи затормозила машина...
 - И вы не вышли взглянуть?
 - Нет, месье. Зачем мне это нужно?
 - Дальше...
 - Немного погодя слышу: «Плюх!»
 - Как будто кто-то упал в воду?
 - Да, месье.
 - И тогда?..
 - Я поднялся по трапу и высунулся из люка.
 - И что же вы увидели?
 - Двое мужчин бежали к машине...
 - Так там стоял автомобиль?
 - Да, месье, красный, «Пежо-403».
 - Неужели было так светло, что вы смогли его рассмотреть?
 - Там на набережной как раз горел фонарь.
 - Как выглядели эти двое?
 - Тот, что пониже ростом, – широкоплечий, в светлом плаще.
 - А другой?
 - Мне не удалось хорошенько его разглядеть, потому что он первым сел в машину и сразу же завел мотор.
 - Вы не запомнили номерной знак?
 - Какой знак?
 - Номер на табличке.
 - Помню только, что там было две девятки и заканчивался он на семьдесят пять...
 - Когда вы слышали крики?
 - Как только машина тронулась с места.
 - Иначе говоря, прошло какое-то время после того, как человек бросился в воду и закричал? Иначе вы, наверное, слышали бы его крики раньше?
 - Думаю, что так, месье. Ведь ночью тише, чем днем.
 - А который был час?
 - За полночь.
 - Кто-нибудь переходил мост?
 - Я не смотрел по сторонам.
- На набережной, у самого парапета, начали останавливаться прохожие, с интересом наблюдая за происходящим на барже. Мегрэ показалось, что клошары тоже подошли ближе. Кран по-прежнему загребал песок в трюме «Пуату» и ссыпал его в грузовики, подъезжавшие один за другим.
- Он громко кричал?
 - Да, месье.
 - А что именно он кричал? Звал на помощь, что ли?..
 - Просто кричал... Потом крики стихли... Потом...

– Что вы сделали?

– Прыгнул в шлюпку и отвязал ее...

– Вам удалось сразу же разглядеть тонущего?

– Нет, месье, не сразу. Наверное, владелец «Пуату» тоже услышал крики: он бежал по палубе и пытался зацепить что-то багром...

– Продолжайте.

Было видно, что, рассказывая о происшедшем, фламандец старался изо всех сил, но давалось ему это нелегко – на лбу у него появились капельки пота.

– «Здесь, здесь...» – говорил он.

– Кто – он?

– Хозяин «Пуату».

– А вы видели?

– То да, то нет.

– Потому что тело исчезало под водой?

– Да, месье, и его относил течением.

– Вашу шлюпку тоже?

– Да, месье... Сосед прыгнул в нее...

– Владелец «Пуату»?

Жеф вздохнул, очевидно решив, что его собеседники медленно соображают. Ему все представлялось очевидным: должно быть, он не раз в жизни переживал нечто подобное.

– И вы вдвоем вытащили его из воды?

– Да.

– В каком он был состоянии?

– Глаза открыты... А в шлюпке у него началась рвота...

– Он ничего не говорил?

– Нет, месье.

– Он казался испуганным?

– Нет, месье.

– А как он выглядел?

– Да никак. Лежал неподвижно, а вода все вытекала и вытекала у него изо рта...

– И его глаза в это время были открыты?

– Да, месье. Я было подумал, что он умер.

– Вы звали на помощь?

– Нет, месье. Звал не я...

– Ваш приятель с «Пуату»?

– Нет. Кто-то, окликнувший нас с моста.

– Значит, какой-то человек находился тогда на мосту Мари?

– В ту минуту – да. Он спросил нас, не утонул ли кто. Я подтвердил. Тогда он крикнул, что сейчас сообщит полиции.

– И он это сделал?

– Наверное. Потому что немного погодя приехали двое полицейских на велосипедах.

– Дождь уже шел?

– Гроза началась как раз в то время, когда мы втаскивали его на палубу.

– Вашей баржи?

– Да.

– Ваша жена проснулась?

– В каюте горел свет. Набросив пальто, Аннеке смотрела на нас.

– Когда вы обнаружили кровь?

– Когда его положили возле штурвала. Кровь так и хлестала из трещины в его в голове.

- Из трещины?
- Ну, из отверстия... Я не знаю, как вы это называете...
- Полицейские приехали сразу?
- Очень быстро.
- А прохожий, который их вызвал?
- Больше я его не видал.
- Вы с ним знакомы?
- Нет, месье.

В такое солнечное утро трудно было представить себе эту ночную сцену, о которой так подробно рассказывал Жеф ван Гут, тщательно подбирая слова, словно ему приходилось переводить их с фламандского.

– Вам, наверное, известно, что бродягу сначала ударили по голове, а потом уже бросили в воду?

– Так сказал доктор. Один из полицейских сам за ним сбегал. Потом приехала «скорая помощь». Когда раненого увезли, мне пришлось мыть палубу: там натекла большая лужа крови...

- Что же, по-вашему, произошло?
- Не знаю, месье.
- Вы сказали полицейским...
- Сказал то, что думал, только и всего.
- Что именно?
- Что этот тип ночевал под мостом.
- Но прежде вы его не видели?
- Не обращал внимания... Под мостами всегда спят какие-то люди...
- Хорошо. Значит, машина съехала по спуску...
- Красная машина. Это точно!
- И остановилась недалеко от вашей баржи?

Жеф кивнул и указал рукой на берег.

– Мотор у нее работал?

На этот раз он отрицательно покачал головой.

– Но вы слышали шаги?

– Да, месье.

– Их было двое?

– Я увидел двоих, они возвращались к машине...

– А когда они шли к мосту, вы их не видели?

– Тогда я возился внизу с мотором.

– Значит, эти двое, из которых один был в светлом плаще, видимо, оглушили спящего клошара и бросили в Сену. Так?

– Когда я поднялся на палубу, он уже барахтался в воде.

– В медицинском заключении говорится, что потерпевший не мог так размозжить себе голову при падении в воду... Даже если бы он просто упал и ударился о камни...

Ван Гут смотрел на них с таким видом, будто хотел сказать, что уж это его никак не касается.

– Вы не возражаете, если мы побеседуем с вашей женой?

– Я не против, но она все равно вас не поймет, потому что говорит только по-фламандски...

Помощник прокурора взглянул на Мегрэ, как бы спрашивая, нет ли у него вопросов. Комиссар отрицательно покачал головой. Если у него и имелись кое-какие вопросы, то он задаст их позже, когда господа из прокуратуры уедут.

– Когда мы сможем отчалить? – спросил ван Гут.

– Как только подпишете свои показания и сообщите нам, куда вы направляетесь.

– В Руан.

– Вам придется и в дальнейшем держать нас в курсе своих перемещений. Мой секретарь принесет вам бумаги для подписи.

– А когда?..

– Наверное, после полудня.

Подобный ответ явно не удовлетворил ван Гута.

– Кстати, в котором часу вернулся ваш брат?

– Почти сразу, как уехала «скорая помощь».

– Благодарю вас.

Жеф ван Гут снова помог заместителю прокурора и его спутникам пройти по узким сходам, и маленькая группа направилась к мосту, а бродяги, собравшиеся у баржи, отошли на несколько шагов назад.

– Что вы думаете об этом деле, Мегрэ?

– Думаю, все это выглядит странно. На клошаров не так-то часто нападают...

Под сводами моста Мари, возле каменной стены, находилось некое сооружение наподобие собачьей конуры. Беспорядочное и полуразвалившееся, оно тем не менее какое-то время служило жильем человеческому существу.

Заметив изумление на лице заместителя прокурора, Мегрэ не выдержал и сказал:

– Такие хибарки имеются под всеми парижскими мостами. Одну из них можете увидеть напротив Дворца правосудия.

– И полиция ничего не предпринимает?

– Если их сносят, они появляются снова, только подальше...

Это причудливое сооружение было сделано из старых ящиков и кусков брезента. Внутри мог поместиться лишь один человек, да и то в позе эмбриона. От соломы, рваных одеял и разбросанных по земле старых газет шел такой смрад, что никакие сквозняки не могли его выветрить.

Месье Паррен опасался дотрагиваться до вещей пострадавшего, и Мегрэ пришлось наклониться, чтобы рассмотреть их ближе.

Жестяной цилиндр с дырками и решеткой, который заменял плиту, еще был покрыт сероватой золой. Рядом лежали неизвестно где подобранные куски древесного угля. Приподняв одеяло, комиссар обнаружил своеобразный клад: две черствые горбушки хлеба, небольшой кусок чесночной колбасы, а рядом, в углу, – книги, заглавия которых он прочел вполголоса:

– «Мудрость» Верлена, «Надгробные речи» Боссюэ...

Мегрэ поднял с земли какой-то журнал, который, должно быть, долго валялся под дождем и был извлечен из мусорного ящика. Оказалось, что это старый номер «Медицинского вестника».

И наконец, разорванная книга, точнее, только вторая часть – «Записки с острова Святой Елены»³.

Судья Данцигер выглядел не менее озадаченным, чем представитель прокуратуры.

– Странный подбор литературы, – заметил судья.

– Наверное, случайно попало, – высказал свое мнение Мегрэ.

Там же, под дырявым одеялом, комиссар нашел кое-какую одежду: серый, весь в заплатках свитер с пятнами краски, вероятно принадлежавший какому-нибудь художнику; брюки из желтоватого тика; войлочные домашние туфли с дырявыми подошвами; пять непарных носков. И наконец, ножницы, одно из лезвий которых было сломано.

³ Вероятно, речь идет о сочинении Наполеона I Бонапарта «Максимы и мысли узника Святой Елены».

– Он умер? – спросил помощник прокурора, по-прежнему держась на почтительном расстоянии, словно боялся набраться блох.

– Час назад, когда я звонил в больницу, был еще жив.

– Врачи думают, он выкарабкается?

– Пытаются спасти... У бедняги проломлен череп, а кроме этого, ему грозит воспаление легких.

Мегрэ машинально катал взад и вперед сломанную детскую коляску, – наверное, бродяга брал ее с собой, когда ходил рыться в мусорных баках. Обернувшись к небольшой группе клошаров, внимательно следивших за его действиями, комиссар по очереди оглядел их всех. Некоторые сразу же отвернулись, а на лицах остальных застыло тупое равнодушие.

– Эй, подойди-ка сюда!.. – подозвал он женщину, поманив ее пальцем.

Если бы все это происходило лет тридцать назад, когда Мегрэ еще служил в отделе охраны уличного порядка, он мог бы назвать каждого по имени, поскольку в то время знал большинство парижских бродяг в лицо.

Впрочем, с тех пор они почти не изменились. Разве что их количество заметно поубавилось.

– Где ты ночуешь?

Женщина улыбнулась, будто желая его задобрить.

– Вон там, – ответила она, указав на мост Луи-Филиппа.

– Ты знаешь человека, которого ночью вытащили из воды?

От нее разлило винным перегаром, лицо отекло. Сложив руки на животе, женщина кивнула.

– Мы звали его Тубибом⁴.

– Почему?

– А он из образованных. Говорят, и вправду раньше был врачом.

– Давно он живет под мостами?

– Много лет.

– Сколько?

– Не знаю... Уже потеряла счет годам...

Сказав это, женщина рассмеялась и отбросила с лица седую прядь. Когда она молчала, то выглядела лет на шестьдесят, но стоило ей заговорить, как сразу же становилось заметно, что у нее почти не осталось зубов, и она казалась намного старше. Однако в глазах ее по-прежнему таилась усмешка, и время от времени она оборачивалась к остальным бродягам, как бы призывая их в свидетели.

– Разве не так? – спрашивала она у них.

Те только кивали в ответ, чувствуя себя неуютно в присутствии комиссара и всех щегольски одетых господ.

– Он жил один?

Это снова ее рассмешило.

– А с кем же ему жить?

– Он всегда ночевал под этим мостом?

– Не всегда... Я встречала его и под Новым мостом, а еще раньше – на набережной Берси...

– А на рынке Ле-Аль? – Мегрэ прекрасно знал, что многие клошары ночуют именно там.

– Нет, – ответила женщина.

– Случалось тебе видеть его у мусорных баков?

– Иногда...

⁴ *Тубиб* (от арабского «тебиб» – ученый) – на французском сленге название врача.

Выходит, несмотря на детскую коляску, он не специализировался на макулатуре и тряпье, и этим объяснялось то, что он лег спать так рано.

– Чаще всего он подрабатывал человеком-сэндвичем, живой рекламой.

– А что ты еще о нем знаешь?

– Больше ничего...

– Он когда-нибудь разговаривал с тобой?

– А как же! Ведь я иногда его стригла... Нужно помогать друг другу!

– Он много пил? – Мегрэ понимал бессмысленность этого вопроса: почти все клошары крепко выпивали. – Вино, например?

– Не больше других.

– Насколько много?

– Пьяным я его никогда не видала. Не то что я... – И она засмеялась. – Представьте себе, я вас помню и знаю, что вы не злой. Как-то раз вы меня допрашивали у себя в кабинете... Давно это было, может, лет двадцать назад, когда я еще работала у ворот Сен-Дени...

– Ты ничего не слыхала прошлой ночью?

Она показала рукой на мост Луи-Филиппа, как будто хотела подчеркнуть расстояние, которое отделяло его от моста Мари.

– Слишком далеко...

– И ничего не видела?

– Только фары «скорой помощи»... Я подошла поближе – правда, не очень близко, так как боялась, что меня заметут, – и разглядела, что это и вправду была «скорая помощь»...

– А вы что-нибудь видели? – обратился Мегрэ к трем другим клошарам.

Те испуганно замотали головами.

– Может быть, подойти к владельцу «Пуату»? – предложил помощник прокурора, который чувствовал себя здесь крайне неудобно.

Хозяин «Пуату», совсем не похожий на фламандца, уже поджидал их. Вместе с ним на борту тоже жили жена и дети, хотя баржа принадлежала не ему. Она почти всегда ходила по одному маршруту: от песчаных карьеров в верховьях Сены до Парижа. Звали речника Жюстен Гуле, сорока пяти лет; он был невысокого роста, с плутоватыми глазами и словно прилипшей к губе потухшей сигаретой.

Из-за грохота находившегося неподалеку крана, продолжавшего разгружать песок, приходилось повышать голос.

– Вот ведь занятно! – хмыкнул Гуле.

– Что занятно?

– Да то, что нашлись люди, которые не поленились стукнуть бродягу по башке и швырнуть его в воду.

– Вы их видели?

– Я вообще ничего не видел.

– Где вы находились?

– Когда напали на этого малого? У себя в постели.

– Что вы слышали?

– Слышал, как кто-то вопил.

– А шум машины?

– Может быть. Но наверху, по набережной, вечно мчатся машины, так что я не обратил на это внимания.

– Вы поднялись на палубу?

– Ну да... Как был, в пижаме, даже брюки не успел натянуть.

– А ваша жена?

– Она спросонья спросила: «Куда ты?»

- Что вы увидели с палубы?
 - Да ничего... Как всегда, волны Сены. Там, где проходили суда, вода бурлила. Я крикнул: «Эй!» – чтобы клошар ответил и я понял, с какой стороны он барахтается.
 - А где в это время находился Жеф ван Гут?
 - Фламандец-то? Я потом увидел, что он вышел на палубу баржи... Он как раз отвязывал шлюпку... Когда она проплывала мимо, я спрыгнул туда... Этот тип то всплывал, то исчезал... Фламандец попытался зацепить его моим багром...
 - С большим железным крюком на конце?
 - Багор как багор.
 - А вы не могли случайно разбить ему голову, когда пытались зацепить багром?
 - Ну нет!.. В конце концов мы все-таки поддели его за штанину. Я сразу нагнулся и схватил его за ногу.
 - Он был без сознания?
 - Глаза у него оставались открытыми.
 - Он ничего не сказал?
 - Из его рта выливалась вода... Потом на барже у фламандца мы заметили, что бедняга весь в крови.
 - Полагаю, на этом можно закончить, – вполголоса буркнул помощник прокурора. Вся эта история мало его интересовала.
 - Хорошо. Я займусь остальным, – сказал Мегрэ.
 - Вы пойдете в больницу?
 - Да, прямо сейчас. Врачи говорят, что пройдет много времени, прежде чем он сможет говорить.
 - Держите меня в курсе.
 - Непременно.
- Когда они снова проходили под мостом Мари, Мегрэ сказал Лапуэнту:
- Позвони в комиссариат квартала, пусть пришлют человека.
 - А где вы будете, патрон?
 - Здесь.
- И Мегрэ с серьезным видом пожал руки представителям прокуратуры.

Глава 2

– Они из суда? – спросила толстуха, глядя вслед уходящим мужчинам.

– Из прокуратуры, – поправил Мегрэ.

– А разве это не одно и то же? – И, тихонько присвистнув, продолжила: – Подумать только! Суется, будто это важная шишка! Значит, он и вправду тубиб?

Этого Мегрэ еще не знал. И казалось, вовсе не спешил узнать. Он все никак не мог избавиться от странного ощущения, будто давным-давно уже пережил нечто подобное. Лапуэнт поднялся на набережную и исчез из виду. Помощник прокурора в сопровождении коротышки-судьи и секретаря осторожно взбирался по откосу, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не испачкать ботинки!

В лучах солнца черная-белая баржа «Зваарте Зваан» снаружи казалась такой же опрятной, какой, наверное, была ее кухня. Высоченный фламандец стоял у штурвала и посматривал в сторону Мегрэ, а его жена, такая хрупкая, что была больше похожа на девочку, со светлыми, почти бесцветными волосами, склонилась над колыбелькой и меняла ребенку пеленки.

Несмотря на неумолчный шум машин, мчащихся по набережной Селестен, несмотря на скрежет крана, разгружавшего песок с «Пуату», было хорошо слышно, как щебечут птицы и плещутся волны Сены.

Трое бродяг все еще держались поодаль, и только толстуха пошла за комиссаром под мост. Ее некогда красная кофта полиняла и теперь напоминала цветом обсосанный розовый леденец.

– Как тебя зовут?

– Леа. Обычно кличут «толстуха Леа».

Это показалось ей очень смешным, и она опять расхохоталась.

– Где ты провела прошлую ночь?

– Я вам уже говорила.

– С тобой кто-нибудь был?

– Только Дэдэ, вон тот низенький, который сейчас повернулся к вам спиной.

– Дэдэ твой друг?

– Они все мои друзья.

– Ты всегда ночуешь под этим мостом?

– Иногда меняю место жительства. А что вы здесь ищете?

Мегрэ и в самом деле что-то искал. Он снова склонился над кучей хлама, который составлял имущество Тубиба. Теперь, когда помощник прокурора и его спутники ушли, комиссар чувствовал себя гораздо свободнее. Он не торопился: вытащил из-под тряпья котелок, сковороду, ложку и вилку, а потом примерил очки в металлической оправе, с треснувшим стеклом. Перед его глазами мгновенно все затуманилось.

– Тубиб надевал их только для чтения, – пояснила толстуха Леа.

– Непонятно, – начал Мегрэ, глядя на нее в упор, – почему я не нахожу...

Женщина не дала ему досказать. Она отошла на несколько шагов от конуры и из-за большого камня вытащила бутылку, в которой еще оставалось пол-литра фиолетового вина.

– Ты пила его?

– Да, и хотела прикончить. Пока Тубиб вернется, оно все равно прокиснет.

– Когда ты взяла отсюда бутылку?

– Ночью, после того как его увезла «скорая помощь».

– Больше ни к чему не прикасалась?

Леа с серьезным видом сплюнула на землю.

– Клянусь!

Мегрэ поверил. Он по опыту знал, что клошары никогда не крадут друг у друга. К тому же они вообще редко воруют – не столько из-за боязни быть пойманными, сколько из-за какого-то безразличия ко всему на свете.

Напротив, на острове Сен-Луи, были настежь распахнуты окна уютных квартир, и в одном из них виднелась женщина, которая перед зеркалом расчесывала волосы.

– Ты знаешь, у кого он покупал вино?

– Я несколько раз видела, как он выходил из бистро на улице Аве-Мария... Это недалеко отсюда, на углу улицы Жарден...

– А как Тубиб относился к другим?

Желая угодить комиссару и ответить поточнее, толстуха задумалась.

– Вот уж не знаю... Он мало от них отличался...

– Он не рассказывал о своей жизни?

– У нас об этом никто не говорит. Разве что когда изрядно налагаются...

– А ему случалось напиваться?

– По-настоящему – ни разу.

Из-под кипы старых газет – они, видимо, служили бродяге своего рода одеялом – Мегрэ вдруг извлек раскрашенную деревянную лошадку со сломанной ногой. Но это его несколько не удивило. Как, впрочем, и толстуху.

Какой-то человек, обутый в парусиновые туфли, легко и бесшумно спустился по откосу и подошел к барже фламандца. В каждой руке он держал по сетке с провизией, откуда торчали два больших батона и перья зеленого лука.

Судя по всему, это был брат Жефа ван Гута, очень на него похожий, только моложе и симпатичнее. На нем были синие полотняные брюки и свитер в белую полоску. Поднявшись на палубу, он перекинулся парой слов с братом, потом посмотрел в сторону комиссара.

– Ничего здесь не трогай! Возможно, ты мне еще понадобишься. Если узнаешь что-нибудь... приходи, – сказал комиссар толстухе Леа.

– Неужто вы думаете, что такая, как я, пойдет в ваше заведение? – опять рассмеялась она. – Можно ее прикончить? – И указала на бутылку.

Мегрэ кивнул в ответ и пошел навстречу Лапуэнту, возвращавшемуся в сопровождении полицейского. Комиссар велел ему до прихода эксперта охранять груды старья, составлявшего имущество Тубиба, а потом в сопровождении Лапуэнта направился к «Зваарте Зваан».

– Вас зовут Хуберт ван Гут?

Юноша оказался еще молчаливее, а может, недоверчивее, чем брат, и ограничился кивком.

– Вчера вечером вы ходили на танцы?

– А что в этом плохого?

Его акцент был замечен меньше. Разговаривая с ним, Мегрэ и Лапуэнту, которые стояли на набережной, приходилось высоко задирать голову.

– Где именно вы были?

– Возле площади Бастилии. Там есть одна узенькая улочка, и на ней с полдюжины заведений. Я был «У Леона».

– Вы туда и раньше заходили?

– Не раз...

– Значит, вам ничего не известно о том, что случилось ночью?

– Только то, что мне рассказал брат.

Из медной трубы на палубу валил дым. Женщина с ребенком уже спустилась вниз, в каюту, откуда до комиссара и инспектора доносился аппетитный запах еды.

– Когда мы сможем отчалить? – спросил молодой человек.

– Наверное, после полудня, как только судья придет на подпись вашему брату протокол допроса.

Хуберт ван Гут, аккуратный, тщательно причесанный, был, как и брат, очень светлым блондином с розоватой кожей.

Спустя некоторое время Мегрэ и Лапуэнт пересекли набережную Селестен и на углу улицы Аве-Мария нашли быстро «Маленький Турин». На пороге стоял хозяин в жилете. Внутри было пусто.

– Можно войти?

Хозяин посторонился, удивившись, что его быстро привлекло таких посетителей. В самом деле, оно было совсем крошечным: стойка да три столика – вот и все. Стены были выкрашены ярко-зеленой краской, с потолка свисали окорока, болонские колбасы, странные желтоватые сыры, с виду похожие на раздутые бурдюки с вином.

– Что будете пить?

– Вино.

– Кьянти?

На полках стояли оплетенные бутылки, но хозяин к ним даже не прикоснулся, а достал из-под прилавка бутылку и наполнил стаканы, не сводя любопытных глаз с гостей.

– Вы знаете клошара по прозвищу Тубиб?

– Как он там? Надеюсь, жив?

Здесь звучал уже не фламандский, а итальянский акцент, и вместо флегматичного Жефа ван Гута и его брата перед ними стоял экспансивный хозяин быстро.

– Вы в курсе дела? – спросил Мегрэ.

– Слышал, будто с ним что-то случилось ночью.

– Кто вам сказал об этом?

– Какой-то клошар, сегодня утром.

– Что именно он сообщил?

– Что возле моста Мари была потасовка и за Тубибом приехала «скорая помощь».

– И все?

– Кажется, речники вытащили его из воды.

– Тубиб покупал у вас вино?

– Частенько.

– Он много пил?

– Около двух литров в день... Конечно, когда у него водились денюжки...

– А как он их зарабатывал?

– Как все они – подрабатывал на рынке или в другом месте... Иногда разгуливал по улицам с рекламными щитами. Тубибу я охотно давал в долг.

– Почему?

– Потому что он был не простой клошар, не такой, как другие... Он вылечил мою жену.

Хозяйка быстро, почти такая же толстая, как Леа, но очень подвижная, суетилась рядом, на кухне.

– Ты это обо мне?

– Я тут рассказываю, как Тубиб...

Она вошла в зал, вытирая руки о передник.

– Так это правда, что его хотели убить? Вы из полиции? Как думаете, он выкарабкается?

– Пока еще неизвестно, – уклончиво ответил комиссар. – А от чего он вас спас?

– Ах, если б вы меня видели два года назад, ни за что не узнали бы. Я была вся в экземе.

Лицо красное, как сырое мясо... И не было конца этой болезни. В диспансере меня лечили самыми разными средствами, прописывали всякие мази, от которых так мерзко воняло, что

я сама себе опротивела... Ничего не помогало... Мне даже запрещали есть, но у меня и аппетита-то не было... Мне еще и уколы делали...

Слушая ее, муж согласно кивал:

– Как-то днем Тубиб сидел вон в том углу возле двери, а я жаловалась на свою напасть зеленщице. И вдруг заметила, что он как-то странно на меня смотрит... А потом вдруг и говорит, да так просто, будто заказывает стакан вина: «Пожалуй, я сумею вас вылечить». Я спросила, правда ли, что он доктор. Тубиб улыбнулся и тихо ответил: «Меня никто не лишал права заниматься врачебной практикой».

– Он выписал вам рецепт?

– Нет. Только попросил немножко денег – насколько я помню, двести франков – и сам сходил за порошками к аптекарю. «Будете растворять в теплой воде по одному порошку и пить перед каждым приемом пищи. Утром и вечером умывайтесь очень соленой водой». Хотите верьте, хотите нет, но через два месяца кожа у меня стала такой же гладкой, как теперь.

– Тубиб лечил еще кого-нибудь, кроме вас?

– Не знаю. Ведь разговорчивым его не назовешь...

– Он приходил к вам каждый день?

– Почти каждый... И покупал свои два литра.

– Он всегда был один? Вам никогда не приходилось видеть его в обществе неизвестных людей?

– Нет...

– Он не называл вам своей фамилии, не говорил, где жил раньше?

– Знаю только, что у него есть дочь. У нас тоже дочка, сейчас она в школе... Как-то она принялась разглядывать Тубиба, он ей и сказал: «Не бойся... У меня тоже была маленькая девочка».

Лапуэнт, должно быть, только удивлялся: почему это Мегрэ вдруг заинтересовался историей какого-то бродяги? В газетах, в отделе происшествий, ей отведут всего несколько строк, не больше.

Но Лапуэнт не знал – он был еще слишком молод, – что за всю свою служебную карьеру Мегрэ впервые пришлось иметь дело с покушением на жизнь клошара.

– Сколько с меня?

– Не выпьете ли еще стаканчик – за здоровье бедного Тубиба?

Они выпили еще по бокалу кьянти – на сей раз за счет заведения.

Миновав мост Мари, Мегрэ и Лапуэнт вскоре вошли под серые своды больницы. Там им пришлось вести долгие переговоры с неуступчивой женщиной, восседавшей в справочном бюро.

– Вы не знаете его фамилии?

– Мне известно лишь, что на набережных его звали Тубиб и что сюда его доставили прошлой ночью.

– Тогда дежурила не я. В какое отделение его поместили?

– Не знаю... Я говорил по телефону с одним из интернов, который так и не сказал мне, будут его оперировать или нет.

– Как фамилия интерна?

Дежурная медсестра несколько раз перелистала книгу записей и позвонила куда-то по телефону.

– А кто вы будете?

– Комиссар Мегрэ.

Было видно, что это имя ничего ей не говорит, и она повторила в трубку:

– Комиссар Мегрэ...

Прошло не меньше десяти минут, и наконец со вздохом, словно оказывая ему великую услугу, она произнесла:

– По лестнице «С» поднимитесь на четвертый этаж. Там вы найдете старшую медсестру.

По пути Мегрэ и Лапуэнту встречались санитары, молодые врачи, больные в халатах, а через открытые двери палат виднелись ряды коек.

На четвертом этаже им снова пришлось ждать: старшая медсестра раздраженно разговаривала с двумя мужчинами, которые тщетно пытались ее в чем-то убедить.

– Ничего не могу сделать, – бросила она напоследок. – Обращайтесь к начальству, не я устанавливаю порядки.

Мужчины удалились, процедив сквозь зубы что-то нелестное. Старшая медсестра повернулась к Мегрэ:

– Вы по поводу бродяги?

– Комиссар Мегрэ, – представился тот.

Женщина старательно попыталась вспомнить это имя, но ей оно тоже оказалось неизвестно. Здесь был совсем другой мир – пронумерованных кабинетов, отделений, коек, расставленных рядами в просторных палатах, где в изножье каждой висели таблички с написанными на них непонятными словами.

– Как он себя чувствует?

– Если не ошибаюсь, его сейчас осматривает профессор Маньен.

– Его оперировали?

– Кто вам сказал об этом?

– Не помню... Я полагал...

В здешней больничной атмосфере Мегрэ чувствовал себя не в своей тарелке и даже немного робел.

– Под какой фамилией он у вас значится?

– Под той, что стоит в его удостоверении личности.

– Оно находится у вас?

– Могу показать.

Сестра зашла в маленький кабинет за стеклянной перегородкой в конце коридора и тотчас вернулась, неся засаленное удостоверение личности, еще влажное после пребывания в водах Сены.

Фамилия – Келлер.

Имя – Франсуа Мари Флорантен.

Профессия – старьевщик.

Место рождения – Мюлуз, Нижний Рейн.

Согласно документу, Келлеру минуло шестьдесят три года и проживал он в Париже в меблированных комнатах на площади Мобер. Мегрэ хорошо знал эти номера: их часто указывали как официальное место жительства многих клошаров.

– Он пришел в сознание?

Сестра хотела было забрать удостоверение, но комиссар положил его к себе в карман, и она только недовольно проворчала:

– Это не положено. По правилам...

– Келлер лежит в отдельной палате?

– С какой стати?

– Проводите меня к нему.

Сначала она заколебалась, но в конце концов уступила.

– Вам все равно придется поговорить с профессором.

Пройдя впереди Мегрэ и Лапуэнта, сестра распахнула дверь, за которой виднелись два ряда коек, занятых больными. Большинство из них неподвижно лежали с открытыми глазами, а двое или трое в больничных халатах стояли в глубине палаты и о чем-то тихо переговаривались.

Возле одной из кроватей, как раз в центре комнаты, десяток юношей и девушек, одетых в белые халаты и шапочки, окружили коренастого человека с подстриженными ежиком волосами. Он тоже был в белом халате и, судя по всему, проводил с ними занятия.

– Сейчас профессору нельзя мешать. Как видите, он занят, – заметила сестра.

Однако она подошла к нему и что-то прошептала на ухо. Профессор взглянул на Мегрэ и продолжил свои объяснения.

– Профессор освободится через несколько минут, – сказала сестра. – Он просит вас подождать у него в кабинете.

И она провела их в маленькую комнату, где было всего два стула. На письменном столе в серебряной рамке стояла фотография женщины с тремя детьми, тесно прижавшимися друг к другу.

Мегрэ, поколебавшись, выбил трубку прямо в пепельницу, полную сигаретных окурков, и снова ее набил.

– Простите, что заставил вас ждать, господин комиссар. Когда сестра доложила мне о вас, я был несколько озадачен... В конце концов...

Неужели он тоже скажет: «Ведь это всего лишь клошар»? Нет, не может быть!

– ...в конце концов, дело весьма обычное, не так ли? – закончил профессор.

– Пока мне почти ничего не известно, и я надеюсь, что именно вы прольете свет на это преступление.

– Что ж, у него проломлен череп, к счастью, без сопутствующих трещин. Мой ассистент, должно быть, уже сказал вам об этом утром по телефону.

– Тогда еще не было результатов рентгена.

– Теперь снимок сделан... Возможно, потерпевший выкарабкается, поскольку мозг, кажется, не задет.

– Могла ли эта травма явиться результатом падения на камни набережной?

– Ни в коем случае. Ему был нанесен сильный удар каким-то тяжелым предметом... Ну, скажем, молотком или гаечным ключом...

– И от этого он потерял сознание?

– Именно так... И в результате сейчас находится в коматозном состоянии... Кстати, он может пробыть в нем несколько дней, а может прийти в себя в любую минуту...

Мегрэ представил крутой берег Сены, конуру Тубиба, грязную воду, плескавшуюся всего в нескольких метрах, и почему-то вдруг вспомнил, что говорил фламандец.

– Простите, что возвращаюсь к этому вопросу. Вы говорите, что ему нанесли удар по голове. Один?

– А почему вы об этом спрашиваете?

– Это может иметь значение для следствия.

– Сначала я подумал, что ударов было несколько.

– Почему?

– Потому что у него разорвано ухо и на лице имеется несколько неглубоких ссадин. Теперь же, когда больного обрили, я осмотрел его более тщательно.

– И пришли к выводу?..

– Простите, где это произошло?

– Под мостом Мари.

– Была драка?

– Кажется, нет. Говорят, на потерпевшего напали ночью, когда он спал. Как вы думаете, это правдоподобно?

– Вполне.

– И вы полагаете, что он сразу потерял сознание?

– Я в этом почти убежден. А теперь, после того, что вы мне рассказали, мне понятно, почему у него разорвано ухо и поцарапано лицо. Его вытащили из воды, не так ли? Эти второстепенные ранения доказывают, что беднягу не несли, а волокли по камням набережной. Там есть песок?

– В нескольких метрах от этого места разгружают баржу с песком.

– Я обнаружил песчинки в ране.

– Значит, по-вашему, Тубиб...

– Как вы сказали? – удивился профессор.

– Так его называют на набережных. Не исключено, что когда-то он был врачом.

К тому же первым врачом, которого комиссар за тридцать лет службы обнаружил под мостом Сены. Правда, когда-то Мегрэ находил там бывшего преподавателя химии из провинциального лицея, а несколько лет спустя – женщину, которая в прошлом была известной цирковой наездницей.

– Возможно ли с медицинской точки зрения, чтобы человек, в бессознательном состоянии сброшенный в реку, сразу же очнулся, оказавшись в холодной воде, и закричал? – спросил Мегрэ.

Профессор почесал затылок.

– Хм... Вы многого от меня требуете. Мне не хотелось бы утверждать безапелляционно... Но я не вижу в этом ничего невозможного. Под воздействием холодной воды...

– Он мог прийти в себя?

– Необязательно. Бывает, что в коматозном состоянии больные что-то говорят и мечтают. Не исключено...

– Во время вашего осмотра он не сказал ни слова?

– Несколько раз простонал.

– Когда его вытащили из воды, у него якобы были открыты глаза...

– Это ничего не доказывает. Полагаю, вы хотели бы на него взглянуть? Пойдемте со мной.

Профессор Маньен повел полицейских в палату. Старшая медсестра смотрела на них удивленно и неодобрительно.

Все больные молча следили за этими неожиданными посетителями, которые, пройдя по палате, остановились у изголовья одной из коек.

– Смотреть тут, собственно, почти не на что! – обронил профессор.

В самом деле, голова и лицо бродяги были забинтованы, оставались открытыми только глаза, ноздри и рот.

– Каковы шансы, что он выкарабкается?

– Семьдесят из ста, а то и восемьдесят, ибо сердце довольно крепкое.

– Благодарю вас, профессор.

– Вам сообщат, как только он придет в сознание. Оставьте старшей медсестре номер своего телефона.

До чего же приятно было снова очутиться на улице, увидеть солнце, прохожих, красно-желтый автобус, стоявший у паперти собора Парижской Богоматери, и выходящих из него туристов.

Мегрэ шел молча, заложив руки за спину, и Лапуэнт, видя озабоченность комиссара, не отвлекал его разговорами.

Они вошли в здание сыскной полиции, поднялись по широкой лестнице, казавшейся особенно пыльной при солнечном свете, и очутились наконец в кабинете комиссара.

Прежде всего Мегрэ настежь распахнул окно и проводил взглядом караван барж, спускавшихся вниз по течению.

– Нужно послать кого-нибудь сверху осмотреть его вещи.

«Сверху», то есть на верхних этажах, размещалась Служба криминалистического учета – различные эксперты, техники, фотографы.

– Лучше всего взять машину и перевезти его пожитки сюда.

Мегрэ опасался не того, что вещами Тубиба завладеют другие клошары, а что их растащат уличные мальчишки.

– Тебе придется пойти в Управление мостов и дорог... Думаю, что в Париже не так уж много красных «Пежо-403». Перепиши все номера с двумя девятками... Возьми в помощь столько ребят, сколько нужно, и проверьте все эти машины и их владельцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.